

Павел Ковалевский

Магомет

Павел Иванович Ковалевский
Магомет
Серия «Психиатрические
эскизы из истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175807

Психиатрические эскизы из истории. В двух томах. Том 2:

Терра; Москва; 1995

ISBN 5-300-00095-7, 5-300-00094-9

Аннотация

«Проложить границу между нормой и душевной болезнью весьма трудно, если не невозможно. Многие лица, признаваемые душевно здоровыми, сплошь и рядом оказывались людьми душевнобольными, а лица, признанные специалистами людьми душевнобольными, в обществе считались душевно здоровыми...»

Содержание

ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	17
ГЛАВА IV	26
ГЛАВА V	28
ГЛАВА VI	35
ГЛАВА VII	47
ГЛАВА VIII	53
ГЛАВА IX	62
ГЛАВА X	73
ГЛАВА XI	86
ГЛАВА XII	91

П. И. Ковалевский

Магомет

ГЛАВА I

Проложить границу между нормой и душевной болезнью весьма трудно, если не невозможно. Многие лица, признаваемые душевно здоровыми, сплошь и рядом оказывались людьми душевнобольными, а лица, признанные специалистами людьми душевнобольными, в обществе считались душевно здоровыми. Естественно, что все эти смешения порождают недоразумения, неудовольствия и даже более серьезные и неприятные последствия. Тем не менее, несмотря на очень значительные успехи за последнее время в области клинической психиатрии, подобные недоразумения возможны, и будущее, мы уверены, не лишено их, в свою очередь. Для того чтобы доказать возможность недоразумений, я позволю себе привести только один факт, описанный профессором Ball, который наглядно покажет возможность пребывания среди общества людей с гражданскими правами, обладающих не вполне нормальными умственными способностями.

В Нейшателе жил нотариус. Это был человек вполне здравомыслящий, умный делец, честный, всеми уважаемый и религиозный. Дожил до глубокой старости и ни в ком не возбуждал на свой счет никаких подозрений. После его смерти наследники между различными бумагами нашли пакет с следующим документом:

«Контракт товарищества (Contract de societe). Между Всемогущим Господом Богом, Вечным, Всеблагим и Премудрым с одной стороны и мною, нижеподписавшимся, Isaak Vuagnaux, его жалким всеподданным и ревностным обожателем с другой стороны был заключен и скреплен контракт товарищества, содержание коего следующее:

Пункт 1. Это товарищество имеет целью торговлю напитками.

Пункт 2. Мой многоуважаемый и многомилостивый товарищ соблаговолит, как участник в капитале, излить свое благословение на наше предприятие, какой мере он лучше рассудит с его отеческой точки зрения, и исполнение неизменных велений его вечной премудрости.

Пункт 3. Я, нижеподписавшийся, Isaak Vuagnaux, обещаю с своей стороны в вышеупомянутое товарищество приглашать вносить капиталы, которые будут необходимы,

делать все сделки по платежам в подвале, производить куплю и продажу, ведение книг, счетов и, одним словом, посвящать мое время, мою работу и мои физические и нравственные силы на преуспевание и успех этого дела по совести и чести.

Пункт 4. В книги будут занесены операции по делу: суммы, внесенные в дебет и кредит счета, будут получаться соразмерно доле интереса, считая по 31 декабря каждого года, когда счета будут приостанавливаться.

Пункт 5. Вознаграждение будет распределено пополам, между моим Высоким и Всемогущим Товарищем и мною, и т. д».

Весь этот контракт заканчивается передачею на бедных суммы в 7327 франков и 35 сантимов.

Спрашивается: это был душевно здоровый или душевнобольной человек? А таких людей мы нашли бы и в нашем обществе немало. Все это люди милые, хорошие, добрые, но только немножко «странные, чудачки, самодуры», – этими и тому подобными кличками члены общества желают выделить этих людей из среды себе подобных.

В последнее время изобретено новое слово – «психопат». Название «психопат» и «психопатка» даются всем тем лицам, которых прежде называли чудачками, странными, самодурами и т. п. Но слово «психопат»

само по себе столь же мало значит, как и слово «чудак». Введение этого слова в употребление в обществе показывает только одно: некоторое право за врачами-специалистами на получение в свое ведение и наблюдение людей, именуемых психопатами. Такой успех представляет большой шаг вперед в развитии общества и его взглядов. Он показывает на проникновение в общество научных сведений, доверие к науке, доверие к тем лицам, кои создают это учение. Такой шаг стоит большого труда. Если действительно это так, то долг специалистов не останавливаться на этом и стараться заинтересовать общество в том же направлении, ибо правильное понимание душевных уклонений имеет весьма серьезное значение и в деле политики, и в деле религии, и особенно в деле правильного понимания и отношения к проявлениям общественной жизни. Чего стоит правильный взгляд на положение и признание наших несчастных душевнобольных?

Чем недостаточнее и неправильнее будет понимание нашим обществом сущности душевных заболеваний, тем меньше расчета на правильное, разумное и человеческое их признание. Чем яснее и определеннее будут эти знания у общества, тем снисходительнее и участливее оно будет относиться ко многим оправдательным приговорам суда, поставленным на основа-

нии научно-медицинских экспертиз в судебных разбирательствах. Да существует много и других жизненных сторон, где разумный взгляд и правильное понимание душевного здоровья и душевной болезни будут весьма полезны и для общества, и для тех несчастных его членов, о которых идет речь.

Но если мы даже оставим в стороне вопрос о пользе от этих знаний, о тех практических последствиях, кои получаются от правильного понимания душевных уклонений, то существует еще одна сторона дела, присущая мыслящему существу, – любознательность и стремление к пониманию тех сторон жизни, которые зачастую остаются для нас темными, неясными, загадочными и в обычной жизни, и в политике, и в религии, и во многих других областях душевной жизни человека.

При рассмотрении вопросов душевной патологии в применении к общественной практике лучше всего останавливаться на исторических личностях и на исторических событиях. Они всем образованным людям более или менее известны, почти во всех возбуждают интерес своею неясностью и темнотою и побуждают ум к проникновению в сокровенное и, главное, остаются для всех безобидными.

В самом деле, сколько таких темных и непонятных вопросов вокруг нас, где психология лица и толпы,

несомненно, в событиях играет столь же серьезную роль, как и климат, географическое положение, физические условия существования и проч. Этот личный элемент и его значение в истории, на мой взгляд, в настоящее время привлекает к делу меньше, чем это следовало бы, так как в очень многих событиях прошлого объяснение темного и непонятного мы нередко найдем в правильном освещении душевного состояния героя и окружающей его толпы.

Нисколько не посягая на какое бы то ни было участие в изменении данного направления в исторических изысканиях, позволительно будет заметить, что к тому натурализму, который еще недавно особенно царил в историческом методе, нужно было бы добавить несколько больше психологического элемента, который в иных случаях, я убежден, окажется очень не лишним. Для примера мы возьмем момент появления и развитие ислама и главного его творца – Магомета. Насколько прежние историки в этом лице видели много сверхъестественного, чудесного, необыкновенного, настолько новые стремились свести все на самые простые и естественные условия жизни, усматривая в жизни Магомета не только человека заурядного и простого, но даже во многих случаях притворщика и обманщика.

Вполне соглашаясь с тем, что в данном лице не бы-

ло ничего сверхъестественного, нельзя, однако, отказать Магомету в том, что это был человек необыкновенный, стоящий далеко выше толпы и властно повелевающий ею, хотя это был и больной человек.

Такие случаи возможны и та же история дает нам подтверждение наших слов. Никто не станет отрицать гениальных способностей Цезаря, Наполеона I, Достоевского, Петрарки и многих других, хорошо знакомых нам исторических лиц, тем не менее, природа не помешала им быть эпилептиками. Таким образом, одна и та же мать дала им одною рукою – их гений, а другую – эпилепсию. Быть может, в жизни и деятельности этих людей очень многое объясняется именно этим сочетанием. Да это так было и на деле. А что это может быть так, видно будет на одном историческом лице – Магомете, который, несомненно, был и гений, и эпилептик.

ГЛАВА II

Магомет был сын счастливой Аравии.

Аравийский полуостров представляет сочетание беспредельных песчаных пустынь, скалистых гор, диких бесплодных мест с местами необыкновенно живописных оазисов с источником воды и жизни, плодовыми деревьями и зеленою травю. Но так как оазисы были только лишь ничтожными точками в безбрежном песчаном море, то жизнь страны была слишком бедна, однообразна и бессодержательна.

Временами и эта страна заселялась и становилась местом культуры и цивилизации; доказательством этому служат развалины городов с прекрасными дворцами, водопроводами и проч. в южной части Аравии. Но это было давно, еще до Рождества Христова, и длилось очень недолго. В общем же Аравия оставалась одинаковою, как в день сотворения мира, так и во времена Магомета, так и теперь. Побережья страны несколько заселялись, северная часть, примыкающая к Иудее и другим, более людным странам, также немного заселялась, середина же Аравии была пустынна, таинственна и мрачна.

Песчаная пустыня и скалистые горы были одинаково неблагоприятны для постоянного заселения стра-

ны, географическое положение еще более ухудшало жизнь скитальца. Страшный зной и палящий жар накаляли как песок, так и скалы и делали жизнь невыносимой. Отсутствие малейшей тени и капли воды убивало все живое на земле. Самый воздух раскалялся, разрежался, был прозрачен и измучивал глаз путника дивными и заманчивыми миражами. Измученный жаждою, опаляемый солнцем, утомленный, расслабленный и голодный путник вдруг усматривал дивный мираж: вот-вот перед его глазами прекрасный благоустроенный город, с чудными постройками, садами, фонтанами и источниками. Последние силы путник напрягает, чтобы скорее достигнуть тихого пристанища. Но видение лишь манило путника и не давалось ему. Это был только мираж...

Зато как прекрасны там ночи. С последними лучами солнца наступала ночь, и тропический жар сменялся прохладой. Миллиарды звезд высыпали на небе и освещали землю, как солнце. Но путник не двигался с места. Абсолютная тишина, математически правильно очерченный горизонт, дивный небесный купол, миллиарды звезд, неописуемо ярких и блестящих, вследствие разреженности и усиленной прозрачности раскаленного воздуха, незримые ароматы, проникающие от смолистых растений отдаленных оазисов... – все это очаровывает и гипнотизирует пут-

ника. Как он ничтожен, бессилён, мал по сравнению со всем величием небесного и земного! Много ли он больше и могучее против той песчинки, которая у него под ногами? О, кто ты, создавший все, управляющий всем и поддерживающий все?... Наблюдая такое величие изо дня в день, видя правильные перемены на небе и земле, наблюдая рождение, болезни и смерть, человек невольно создавал идею о ком-то всемогущем и о своем личном ничтожестве перед ним.

Бедность обстановки, ничтожество жизненных интересов, беспомощность существования, величие небесного, порядок и неукоснительность бытия невольно наводили дикого жителя на мысль о высшем существе и вообще располагали к созерцательной жизни. Насколько содержательность образов, смена представлений и бытовых интересов жизни оседлой в таких случаях располагают к фантазии и воображению, настолько пустыня с вышеуказанной обстановкой располагает к жизни созерцательной и отвлеченной философии. Таковы все номады. Таковы были и арабы.

Но каково бы ни было мирозерцание, оно вело арабов к двум роковым выводам: к представлению о Боге-творце и представлению о полном личном ничтожестве. Единственный вывод из этих двух представлений – смиренная покорность высшей воле. Как

прекрасно это выражено словами библейского страдальца, потерявшего все: и стада животных, и рабов, и здания, и даже собственных детей: «Бог дал и Бог взял, – да будет благословенно имя Божие». Такие слова мог сказать только араб. В этих словах вся его религия, – умеете только правильно сформулировать ее, и араб весь на ваших глазах.

Этот-то дикий полуостров населяло семитическое племя арабов, очень близкое и родственное и по языку, и по природным качествам, и даже по месту жительства с евреями. Происхождение этого народа, по преданию, таково: Авраам, не имея долго детей от Сарры, с ее разрешения, взял себе в жены служанку, Агарь, от которой у него родился сын Измаил. Когда, впоследствии, у Сарры тоже родился сын, то Агари пришлось оставить дом патриарха. Она взяла сына, Измаила, и отправилась с ним на юг, в ту страну, которая ныне известна под именем Аравии. Легенда о происхождении жителей Аравии – арабов – от Измаила поддерживается отчасти и тем обстоятельством, что жители соседней с Иудеей Северной Аравии назывались евреями измаильтянами.

Когда Агарь шла с своим малюткой Измаилом по пустынной новой стране, то она и сын были страшно истомлены и мучимы жаждой. Измаил умирал. Еще несколько мгновений и его бы не стало. Мать моли-

лась Богу о спасении, и Господь услышал молитву матери. Ангел Господень явился, ударил посохом по каменной скале, у которой сидела Агарь, и оттуда заструился источник воды живой. Здесь-то и поселилась Агарь со своим сыном. Источник этот и ныне называется и составляет святыню арабов.

Когда, спустя некоторое время, Ибрагим (или Аврам) захотел проведать Агарь и Измаила, то он пришел к ним и в честь их спасения устроил здесь жилище Богу, Каабу. И Бог был милостив к своему верному Ибрагиму и, в знак своей любви к нему, послал ему с неба на землю камень, который Ибрагим и заложил в основание Каабы. В то время камень этот сиял необыкновенным блеском, но, по мере того, как человек грешил, камень этот тускнел, темнел и ныне стал совершенно черным, как и совесть людская. Но настанет день, день страшного суда, когда камень вновь воссияет и своим светом вновь озарит весь мир. И до сих пор каждый правоверный почитает главной задачей своей жизни побывать в Мекке, обойти семь раз Каабу, семь раз поцеловать черный камень и семь раз испить из источника воды. Источник этот чист, вода его прозрачна, она весело и живо течет по каменистому дну, журча и издавая звук, похожий на «зем-зем», почему и самый источник носит название *Зем-Зем*.

Здесь-то поселилась Агарь. Здесь стоит главный

пункт арабского народонаселения. Здесь устроилась Мекка. Здесь родился великий пророк правоверных, Магомет. Здесь он похоронен. Здесь его гроб. Сюда стекаются все мусульмане на поклонение святыне. Сюда каждый правоверный, пять раз в сутки, при совершении молитв, поворачивает свое лицо.

Поселившийся здесь Измаил стал родоначальником великого племени и великого народа, заселившего не только Аравию, но и другие страны. Воистину исполнилось слово ангела Агари: «Умножая, умножу семя твое и не сочтется от множества; се ты во чреве имеши и родиши сына и наречеши имя Исмаил, яко Господь услыша смирение твое: се благослових его и возвращу его и умножу его зело: на десять язык родить и дам его в язык велий».

ГЛАВА III

Итак, арабы, по преданиям, происходят от Авраама, через сына его Измаила. Потомки Измаила расселились по всей Аравии и по образу жизни и занятиям делились на два класса – кочующий и торговый. Торговый жил преимущественно по взморью и населял те небольшие городки, которые там имелись, кочующий был разбросан по всему лицу Аравийской земли. Весь этот народ не представлял чего-нибудь целого, единого, напротив, он был разбит на отдельные, немногочисленные роды, которые все вместе объединялись только двумя обстоятельствами: тем, что они заселяли Аравийский полуостров, и тем, что они говорили на одном языке. Может быть, в прежнее время и вера у них была одна, но если это и было так, то слишком уж давно.

Аравийские племена жили порознь, отдельно и ничего общего между собою не имели. Все члены одного племени во главе имели одного старшего в роде, воле которого повиновались во всем том, что касалось интересов племени. Родоначальник, или патриарх, в племени имел только нравственное превосходство над остальными членами племени и являлся председателем совета, состоящего из всех чле-

нов племени, совершенно между собою равноправных. Власть в роде переходила по смерти старшины к другому, старейшему в роде.

Жизнь в бесплодной пустыне, населенной враждебными силами, и человеческими и звериными, могла быть безопасной лишь при взаимной поруче друг за друга отдельных членов рода. Поэтому преданность роду или племени у бедуинов, или кочующих арабов, была беспредельна и безгранична. Здесь именно была жизнь одного для всех и всех для одного. Обида, нанесенная кому-нибудь из членов племени, была обидой племени, и потому все племя вооружалось в защиту и на месть за потерпевшего своего члена. Отсюда вытекает непрерывная кровавая борьба отдельных племен и постоянное истребление друг друга.

Была к тому и другая причина. Бедуин – кочевник, т. е. воплощенный бедняк. Его занятие скотоводство. Земледелие и торговля составили занятие очень небольшой части оседлого населения. Самое скотоводство было и не разнообразное, и не обильное. Лошадь и верблюд – вот скот бедуина. Очень небольшие оазисы, разбросанные по песчаной пустыне, не позволяли их иметь в большом количестве. Высыхание источников заставляло бедуина постоянно кочевать с места на место. Поэтому бедуины не мог-

ли питаться только скотоводством. Вторым источником их существования был грабеж. Они грабили караваны, грабили путешественников, грабили соседей. Разбой и грабеж были средством к существованию араба и составляли коренное условие их жизни и бытия. Бедуины были воинственны по природе, к тому их вынуждала непрерывная кровная племенная месть и необходимость существования. Не награбил – не поел. Таким образом, исконно, веками, бедуин жил вольной птицей. Он не сеял, не жал, а существовал тем, что посылал ему Аллах. Послал Аллах – хорошо, не послал – да будет воля его. Иначе: ограбил – хорошо, не удалось – так угодно Аллаху. Но это постоянно вело к тому, что или он убивал кого-нибудь, или его убивали. Поэтому жизнь бедуина в его глазах была ниже всякой цены. Все от воли Аллаха: и пища, и целость, и жизнь. Да будет воля его! Только он один над всем. Бедуин был фаталист до последней степени. Это свойство, с одной стороны, создало в его характере полную безропотность и покорность судьбе, а с другой – полную независимость и личную самостоятельность. Над бедуином нет власти, нет силы, нет воли, кроме его личной силы, власти и воли. Аллах? – то другое дело. Он знает, что делает... Патриарх племени и племя? Но это я. Я частица его и потому племя так думает, как я, и я так думаю, как пле-

мя. Этим обуславливается независимость, гордость, самосознание и признание собственного достоинства и полнейшая свобода действий, насколько она стоит в его личных интересах и интересах племени.

Арабы редко находились под чужою властью, да едва ли это и было возможно. Прежде всего властвовать над ними не было особенного интереса, так как они были бесконечно бедны, а затем бедуин – это, собственно, величина неуловимая: сегодня он здесь, завтра – в другом месте. Несмотря на то что бедуин по природе своей существо хитрое и самое опасное в данной местности, условия его беспомощного существования выработали в нем прекрасное чувство – долг гостеприимства. Странник, хотя бы он был самый страшный враг, в доме или палатке бедуина – гость божий и потому он неприкосновенен и находится под защитой и охраной хозяина. Это несколько не мешает, при встрече с дорогим гостем в другой момент, вне своих владений, ограбить и убить его.

Таким образом, живущий как птица небесная, не обремененный хозяйственными и государственными заботами, живя бездеятельною жизнью, бедуин имел много свободного времени. Пораженный величием, законообразностью и мощью окружающего, а равно сознавая свое полное ничтожество в общем бытие, араб много думал о Боге. Он всю свою жизнь прово-

дил в размышлении о высшем существе и его мировом величии. Бедуин был философ по призванию и по необходимости. Ему даже не о чем было и думать. Поэтому араб любил Бога, любил потому, что он всюду видел его присутствие в его создании, он постоянно мечтал о нем, он только и жил мыслью о нем.

Считая свое происхождение от Ибрагима или Авраама, бедуин имел веру от него. Это была вера в единого вечного Бога, сотворившего Адама, пославшего потоп, определившего для продолжения рода человеческого Ноя и т. д. Но так как арабские предания были устными, то они подвергались многим измышлениям и искажению, но сущность оставалась одна.

Арабы признавали Бога единого. Он жил на небе. Он жил повсюду и во всем, но у него была резиденция и на земле, это было именно в Каабе в Мекке: там, где прапачерь Агарь отдыхала, там, где праотец Измаил был спасен, там, где ангел открыл источник Зем-Зем, там, где находится черный камень. Туда бедуин стремится к своему вещественному богу, находящемуся в Каабе. Кааба стала храмом идолов, устроенным, по мнению арабов, по образцу чертогов божиих на небе. Здесь каждое племя имело своего бога – идола, которому они и поклонялись. А так как арабских родов было целые сотни, то и идолов вокруг Каабы и в ней набралось более четырехсот. Этим способом едино-

божие постепенно превратилось в идолопоклонство. Племена по временам сливались одно с другим, поглощали друг друга и перемешивались, таким образом для каждого племени начало появляться несколько богов и несколько идолов. Естественно, что успех того или другого племени приписывался покровительству его бога, а потому данному богу начинали поклоняться и другие племена, что еще более укрепляло многобожие. В конце концов арабы – и по преданиям, и по существу, и по природе монотеисты – теперь стали многобожниками и идолопоклонниками.

Мекка стала средоточием федеративной религии. Восемь месяцев в году арабы разбойничали, занимались грабежом, странствовали с места на место и были в воинственном настроении, зато четыре месяца у арабов считались священными, – в это время они не имели права ни грабить, ни воевать. Эти месяцы посвящались молитве и путешествию в святое место – Каабу. В это же время купцы спешили производить свои обороты. Так, со всех сторон замкнутого Аравийского полуострова тянулись к Мекке караваны. Одни караваны шли только в Мекку, другие тянулись через Мекку за пределы Аравии. Мекка была пунктом, где должны были останавливаться все караваны, как чисто местные, так и иноземные, идущие из Абиссинии и других стран в Персию, Индию и обратно.

Естественно, Мекка была не только святыней, но и очень бойким торговым местом. Было время, когда в ней насчитывалось до 100 000 народонаселения, которое занималось очень оживленной и обширной торговлею. Было очень интересно владеть этим жизненным ключом. Кто владел Меккой и Каабой, тот владел всей Аравией, хотя при этом приходилось много лавировать, чтобы угодить всем племенам и их родоначальникам.

В данный момент, во время появления Магомета, Меккою владели корейшиты. Мекка стоит в песчаной ложбине, вдали от моря, окруженная обнаженными, бесплодными холмами. Предметы потребления, даже хлеб, доставлялись сюда из других мест. Мекка стала ярмаркой на всю Аравию и, следовательно, главным складочным местом товаров между Индией, Сирией, Египтом и даже Италией. Образ правления в Мекке был отчасти республиканский: десять выборных лиц от племени управляли Меккой и Каабой.

Кроме Мекки были у арабов и другие города, как Ятриб, Окат и проч. В эти города арабы собирались для торговли и литературных состязаний, причем лучшие поэтические произведения вышивались золотом и вешались в Каабе. Таким образом, Мекка являлась не только религиозным и торговым центром, но и центром просвещения.

При встречах друг с другом в городах и в пути в мирные месяцы арабы имели и духовное общение, причем, разумеется, беседы велись преимущественно религиозного содержания. Должно сказать, что постепенное искажение первоначального арабского монотеизма и переход его в многобожие был не по духу арабам, и они охотно прислушивались к религиозным толкам, особенно монотеистического характера. Будучи в душе независимыми, арабы были также веротерпимы и по отношению к другим. Этим объясняется, что в Аравии селится множество сект иудейских и христианских и пользуется здесь полною свободою вероисповедания.

Да и сама Кааба заключала в себе не только идолов арабских народностей, но и статуи Пресвятой Девы, Божественного Младенца и проч. Поэтому весьма естественно, что иудейство, христианство и христианские секты не только не были изгоняемы из Аравии, но охотно выслушивались арабами, и некоторые из последних принимали христианство, иудейство и различные ереси, смотря по тому, кому что больше нравилось и больше было по душе; разумеется, все это ложилось на почву прежней идолопоклоннической религии и представляло чрезвычайное смешение того и другого.

Восприятие всех этих учений арабами было тем

легче и естественнее, что в основе как арабского вероучения, так и всех разновидностей иудейского и христианского вероучений лежало одно – вероучение патриархов.

ГЛАВА IV

Наиболее симпатичными для арабов были те вероучения, кои исповедовали единого Бога, тем более эти вероучения годны были для восприятия их арабами, что и арабы были, по существу, монотеистами. Особенно понятны и симпатичны арабам стали еврейские и христианские секты.

Самые имена еврейские легко были пригнаны к языку и жизни арабов; так, Авраам назывался Ибрагимом, Ной – Нугом, Моисей – Музою, Аарон – Гаруном и проч.

Ближе же всех к арабскому миросозерцанию стояли ганифы, так как их учение было самое простое и вместе с тем представляло чистейшее изложение единобожия. По-видимому, люди, близкие к Магомету, были именно ганифами, как, например, Варак, Зеид и др.

Таково было религиозное состояние арабов и жителей Аравийского полуострова к тому времени, когда должен был явиться, по вероучению иудеев и иудействующих, пророк. А он должен был явиться и очистить веру бедуинов, ибо она представляла слишком большое смешение – от грубого идолопоклонства до чистейшего христианства. Арабы в религиозном отно-

шении были не удовлетворены. Более умные и пытливые из них искали истины, менее развитые готовы были следовать ей. Но эта новая религия должна быть их религией, религией, подходящей к их простоте, неразвитости, бедности, независимости, полной покорности высшему, недостижимому и их чувственности. Эта религия должна была исходить из их существования, жизни и условий природы и бытия.

До сих пор арабы почти вовсе не имели своей религии. Была Кааба, были идолы. Для каждого племени были свои кагины – пророки, которые пользовались особым благоволением богов, получали от них откровения и передавали их людям.

Когины вели уединенную аскетическую жизнь, лечили болезни, считались людьми сведущими и мудрыми, давали советы и делали предсказания. Все это было слишком просто и, видимо, не удовлетворяло духовной потребностиномада. Потребность исправленной религии сознавалась и чувствовалась, почему многие из более развитых арабов искали истины, хотя не всегда и находили ее. Нужно было, чтобы эта истина была арабская. Явился араб, который познал эту истину, открыл ее своим братьям и стал вполне заслуженно их пророком и главою. Это был Магомет.

ГЛАВА V

20 апреля 571 г. по Р. Х., в Аравии, в Мекке, в племени корейшитов, в роде Гашимитов, у Абдулы Муталиба родился сын, Магомет. Отец немного не дожил до рождения сына. Он был в пути с караваном в Ятриб, заболел и там же умер. Немного он оставил своему сыну наследства: пять верблюдов, козье стадо и рабыню. Говорят, что Магомет происходил из знатного рода Касаи, возвратившего своему племени власть над Меккою, а через это до некоторой степени и над всей Аравией. Этому противоречит бедность родителя Магомета. Впрочем, много ли нужно арабу, чтобы стать счастливым и довольным! Один верблюд. А у отца Магомета их было пять да еще стадо коз...

Вследствие смерти отца Магомет остался на попечении у матери, и так как мать Магомета не отличалась особенным здоровьем, то отдала сына на вскормление в деревню, что позволяли себе делать только люди состоятельные. К детским годам Магомета относят событие, не лишнее для нас интереса. Когда мальчику было шесть лет, он однажды играл со сверстниками. Вдруг явился архангел Гавриил, распорол Магомету грудь, очистил его внутренность, а затем оросил водою источника Зем-Зем – и все за-

жило. Перепуганные дети убежали с криком: Магомет убит, убит! Моментально бросилась туда няня, Халима, и нашла Магомета *распростертым на земле, в судорогах и бледным как смерть*. Бытописатель лично видел рубец на груди Магомета от раны архангела Гавриила. Да и в Коране говорится: «разве я не раскрыл тебе грудь...» Няня так испугалась этого случая, что немедленно отвезла Магомета матери. Тогда мать спросила: «разве ты боишься, что то был дьявол?»

Кормилица отвечала: «да».

– Не бойся. Это был Бог. Когда я носила Магомета во чреве своем, то мое тело светило. настолько, что я видела дворцы в Восга.

По смерти матери, Магомет, будучи еще мальчиком, поступил в семью старшего в роде, деда Абдель-Муталиба. Говорят, Магомет был любимцем и баловнем своего деда, который, однако, недолго пользовался счастьем присутствия внука. Дед скоро умер, и Магомет перешел к следующему старшине рода, дяде Абу-Талибу. Видно, действительно, финансовые дела Магомета были не слишком блестящи; ибо ему пришлось заняться делом очень низким, по воззрениям того времени, – пасти стада.

Подросши, Магомет сопровождал дядю, Абу-Талиба, с его торговыми караванами, то в качестве погонщика, то в качестве работника, то в качестве мелко-

го приказчика. Случалось и так, что Магомет ходил с чужими караванами. При этом он видел много нового. Встречал новых людей, беседовал с ними, прислушивался ко всему и жадно воспринимал все, что его интересовало и соответствовало его душевному настроению.

Будучи расторопным, смышленным, бойким, умелым и опытным в торговых делах, Магомет удачно вел дела богатой вдовы Хадиджи, заслужил ее доверие, внимание и вскоре любовь. Товарищи называли Магомета *al amin* – человек правды и верности, правдивым во всем, что он говорил и что думал. Он молчал, когда нечего было говорить, если даже говорил, то умно, искренно и всегда ясно освещал вопрос.

Магомет был среднего роста, довольно нежного сложения, с выразительным лицом, окаймленным густою черною бородою, с большими, черными, выразительными глазами и очень обильным количеством волос, ниспадающих на его плечи.

Магомет и Хадиджа полюбили друг друга и женились. Недешево дался этот брак Магомету. Богатая семья Хадиджи дерзко и грубо приняла в свой круг бедного работника, и Магомет долго еще жил у своей жены в качестве управляющего, а не владельца имущества. Несмотря на женитьбу, Магомет продолжал караванные путешествия. Неделями и месяцами он

оставался наедине с собою, природой и невидимым Богом. Многие он за это время передумал, о многом поразмыслил. А на размышление его наводило также многое. Отправляясь с товарами, Магомет встречался и с иудеями, и с христианами, и с иудействующими и с различными христианскими сектантами. Вероучение этих людей очень его интересовало – тогда как собственная религия его не удовлетворяла. Возвращаясь Магомет домой – и здесь постоянно шла беседа о религии. Люди, близкие к Хадидже, ее родственники, Варак, Зеид и др., по-видимому, были проникнуты идеями иудействующих и здесь нередко читалась Библия. Все это западало в восприимчивую душу Магомета и оставляло в ней след. А затем, опять оставаясь наедине, в пути, он все это обдумывал, приводил в порядок и создавал свою собственную систему, систему, подходящую к его, араба, характеру жизни, природе и прежним воззрениям. Эта система была у него смутною, не вполне сформированною, но она зарождалась, развивалась и постепенно расширялась. Сколько раз он останавливался на мысли о неправоте многобожия, идолопоклонства и прочее. Сколько раз он мыслил о необходимости просветить и своих темных соотечественников. Видел он и то, что многие из его близких сознают необходимость и потребность обновления вероучения. Но где та вера, которая бы-

ла бы наилучшей? Ни одна из готовых формул религии не удовлетворяла номада-бедуина. Христианство было для него слишком мягким, сложным и отвлеченным, иудейство слишком ограниченным. Магомет чувствовал необходимость обновления и духовной переработки.

Предания указывают много случаев близких отношений Магомета и к христианам, и к иудеям, и к различным сектантам. Называли и имена его друзей. Так ли это было на деле – кто знает? Верно то, что сношения эти были, и Магомет учился многому и научился многому. Но, восприняв это многое, он его усвоил, переработал и создал свое. Это свое не имело строгой цельности. Все, что у Магомета было, было только дар Божий, а образование его было самое примитивное. Он едва умел читать и писать.

Вместе с этим в своих путешествиях Магомет прислушивался и ко многому другому. Он наблюдал жизнь и нравы людей; изучал нужды и интересы страны, заводил знакомства и старался узнать как свою родную страну, так и близлежащие. Так провел Магомет 15 лет в супружестве с Хадиджой, во взаимной любви и в заботах о делах и детях. Большую часть года он проводил в путешествиях, но наступал Рамазан и Магомет отправлялся в горы, где в пещере горы Хира проводил время в посте, молитве и благочестивых

размышлениях. В этот момент, вероятно, больше всего Магомет занимался размышлениями о новом вероучении.

Слишком впечатлительный, крайне восприимчивый и увлекающийся идеями вероучения, Магомет, по-видимому, был очень фанатичен в исполнении молитвы и постов и это ему даром не проходило. У Магомета начали появляться галлюцинации. Так, ему казалось, куда бы он ни посмотрел, что перед ним один и тот же предмет. Другой раз он слышал голос, зовущий его: «Магомет, Магомет!» Магомет оглядывался, присматривался в ту сторону, откуда шел голос, но ничего не видел. Еще иногда он слышал, как каждый камень говорил ему: «благо тебе, посланник божий!»

Магомет был человек мягкий, добрый, ласковый, кроткий и уступчивый. Его внешние приемы, манеры и речи были необыкновенно привлекательны, проявляя уважение и любезность к окружающим. Со всеми он был одинаково ласков и доступен, сострадателен к убогим и несчастным, прост и умерен в образе жизни, лично чинил себе одежду и обувь, большой друг детей. Его домашний обиход отличался крайней простотой: ячменный хлеб и вода составляли его обычную пищу; случалось, что по целым месяцам на его очаге вовсе не разводили огня (Карлейль). При встрече с знакомыми он всегда приветствовал их, не ожидая от

них поклона; подавая руку, не отнимал ее первый. Богатству большого значения не придавал, а имея его, помогал бедным. Таковы отзывы о характере и личности Магомета. Много думавший о новом вероучении, он, в силу природной застенчивости и боязливости, никогда не выступил бы с проповедью перед целым народом. Самое большое, что бы он сделал, – это сам исповедовал бы свою новую веру; но он никогда не нашел бы решимости предстать перед народом с свидетельством истины и начать открытую войну с косностью и предрассудками. Во всяком случае, это не был человек воинствующий и агрессивный, и должно было случиться нечто особенное, сверхъестественное побуждение, чтобы заставить такого человека выйти из своей обычной колеи и начать действовать энергично, безбоязненно, открыто и даже вопреки желаниям большинства.

ГЛАВА VI

Когда Магомету было сорок лет, он имел первое божественное откровение, подействовавшее на него крайне потрясающе и бросившее его роковым образом на служение Богу. Это было на Хире, во время поста и молитвы. Магомет усердно постился и проводил в молитве дни и ночи. Здесь он всецело был предан мысли о Боге и новой вере.

– Вдруг охватило меня как бы во сне и напало смутное ощущение. Кто-то приблизился ко мне и сказал:

– Читай!

– Нет, не могу, – я ему отвечал.

Затем тот же некто сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил, слова:

– Читай!

И опять я отказался.

Снова меня сдавило, и я услышал явственно:

– Читай! Во имя Господа твоего, творящего и сотворившего человека из кровинки, – читай! Господь твой всемилосерд. Он даровал знания посредством пишущей тростинки. Он научил человека тому, чего он не знал.

Тогда я прочитал и видение исчезло. Я проснулся. И было со мною так, как бы сии слова были начертаны

в моем сердце.

Страшно потрясенный и крайне взволнованный, Магомет прибежал к Хадидже, весь дрожа и прося, чтобы она прикрыла его.

– О, Хадиджа, что случилось со мною!

Магомет передал обо всем происшедшем и прибавил: «я боюсь за себя». Тогда Хадиджа отвечала ему:

– Не бойся, будь бодр. Аллах никогда не сделает несчастным. Милостью Аллаха, ты верен своей семье, ты поступаешь по правде, ты помогаешь в нужде, ты отзывчив на доброе, ты гостеприимен к страннику и помогаешь людям, впавшим в несчастье.

Затем Хадиджа послала за Вараком и передала ему о происшедшем. Варак, выслушав рассказ, воскликнул:

– Если это так, то на Магомета сошел Ну мое (дух Божий), тот самый, который почил на Моисее; теперь Магомет пророк нашего народа... О, если бы я дожил до того времени, когда люди будут преследовать тебя...

– Неужели люди будут преследовать и меня? – воскликнул Магомет.

– Да, – сказал Варак, – никогда не было, чтобы человек, принесший то, что ты, не имел врагов.

Все это так повлияло на Магомета, что он сразу поехал (Ireland) и долго не мог успокоиться. Часто Ма-

гомет бродил по скалистым пустыням и горам. Тоска, уныние, страх и отчаяние нападали на него. Были и такие мысли, что он не рад был своей жизни и готов был покуситься на нее. Магомет впадал в сомнение и не мог решить, как все это разгадать.

Но вот прошло некоторое время. Магомет имел второе откровение. На него снизошло свыше явление без слов. Оно исполнило его сердце давно желанным убеждением. Одновременно с этим он почувствовал головокружение. Потрясенный, как бы в лихорадке, он спешит домой и просит Хадиджу: «Заверни меня... Совершилось...» Затем он услышал слова:

– О, ты, завернутый, встань! Зову тебя, истинно так... Господа Бога твоего, да слава Его... одежды твои, – очисти их!.. Господа Бога твоего чти неизменно... (Мюллер).

Предания говорят, что с этих пор припадки повторялись, за ними следовали откровения. «Застигнутый пароксизмом, Магомет падал в изнеможении на землю; затем начинались судороги, глаза дико вращались, лицо становилось бледным и покрывалось потом. Это ангел посетил его, говорили веровавшие в него. И действительно, после каждого припадка пророк возвещал новое откровение» (проф. М. Н. Петров). В то же время, когда Магомет получал откровения, говорит Ireland, он впадал в коматозное состоя-

ние, точно после сильного опьянения, бледнел и губы его шевелились, будто он говорил... Однажды он упал так стремительно и сильно на колени Зеида, что тот опасался, как бы Магомет не сломал ему колен. По временам он издавал звук, похожий на крик молодого верблюда.

Все это так повлияло на Магомета, что он несколько изменился. Он стал менее деятельным, мало занимался своими делами, мало выезжал из Мекки, Он уединялся, избегал людей и много думал.

Что же открывало ему божественное откровение и в чем состояла новая вера Магомета?

Проповедь его была очень простая и вера его была очень несложная и уже известная многим живущим.

На свете есть только один Бог – Аллах, Господь. Он сотворил мир и его поддерживает. Ему одному подобает поклоняться и отречься от идолопочитания. Магомет его пророк. Ему поручено предостеречь людей и возвестить им, что наступит воскресение мертвых и страшный суд, на котором каждому воздастся по заслугам его. Кроме исповедания веры, главнейшие обязанности человека: молитва в определенные сроки, честное отношение к ближнему и милостыня бедным (Мюллер).

Все это истины, давно известные и подробно изложенные как в христианстве, так и в иудействе. Да Ма-

гомет и не выдавал их за что-нибудь новое. Он сам заявляет, что его учение – учение первых патриархов. Его вера – вера первых патриархов. Его откровения – откровения первых патриархов. То, что Господь открыл Адаму, то же он повторил и Ною, и Аврааму, и Моисею, то же открывает он и ему – Магомету, ибо люди забыли Единого Бога и уклонились от Его свя-тых заветов. И теперь Бог напоминает им через свое-го избранника, его – Магомета.

Это учение сначала принято было очень немноги-ми. В него уверовали: Хадиджа, Али и раб Сеид. Оно имело много общего с учением ганифов, почему неко-торые из ганифов также присоединились к Магомету и стали его последователями.

Теперь Магомет твердо убежден, что он является избранником и посланником Божиим. Эта сила убеж-дения и искренность веры в себя и в свое учение, как божественное учение, были причиною тому, что Ма-гомет – человек мягкий, нерешительный выступил от-крыто, не боясь и не стесняясь, ибо он шел для Бога и по Божию велению. Мало-помалу Магомет исповедо-вал свое учение, но на первое время у него последо-вателей было мало. Только люд бедный и неимущий шел к нему, да и то в небольшом количестве.

Но прежде чем окончательно выступить с пропове-дью, Магомет решил поведать о том своему роду. Для

этого он созвал всех гашимитов. Он пригласил их на собрание и объявил им об откровении и посланничестве. Последствия этого были очень печальны. Они ожидали какого-нибудь сообщения о серьезном деле, торговом предприятии, набеге и т. п. Поэтому заявлением Магомета все они возмутились и пришли в негодование. Один из дядей, Абу-Лахаб, не выдержал и закричал:

– О, чтоб тебе удавиться! Так это ты за этим и созвал нас!

Все ушли смеясь и бранясь. Сын Абу-Лахаба был сговорен с дочерью Магомета, но после этого неприятного происшествия дядя взял свое согласие назад. Но красавица Рокайя не засиделась в девах. На ней скоро женился Осман Ибн-Аффана из рода Омайядов, который вместе с тем стал ярым приверженцем и защитником учения Магомета. Еще раньше последователем Магомета стал знаменитый Абу-Бекр.

Несмотря на такую неудачу в своем роде, Магомет не унывал. Родоначальник гашимитов, Абу-Талиб, не был приверженцем учения Магомета, но он и не ссорился с Магометом, оставаясь по-прежнему его защитником и покровителем.

Так мало-помалу подвигалась проповедь Магомета. Он нападал на идолов и проповедовал веру в Единого Бога.

Несмотря на то что у Магомета последователей было очень немного, его проповедь, однако, не нравилась очень многим, и именно гражданам Мекки и Каабы. Главным пунктом, против которого восставал Магомет, было многобожие и идолопоклонство. Эта проповедь была решительно против интересов корейшитов. Все их богатство, власть и благополучие зиждились на том, что Мекка служила центром всех богов Аравии. Все бедуины и жители оседлых частей Аравии смотрели на нее как на главный религиозный, а затем уже торговый и политический пункт. Отнимите у Каабы идолов, перенесите их в другое место, и все бедуины направятся туда же. Туда же пойдут и караваны и богатства... Таким образом, у Мекки может ускользнуть религиозная власть, а вместе с нею и торговое преобладание, и политическое, и самое благосостояние. Ввиду этого Магомет являлся не столько врагом богов, сколько врагом и разбойником для самих меккинцев; он вел прямо к разорению и унижению самое племя и грозил ему близкой и серьезной гибелью.

Однако нападать на Магомета сразу меккинцы не решались. Прежде они обратились к Абу-Талибу, как начальнику рода гашимитов, дабы тот повлиял на Магомета. Абу-Талиб позвал Магомета и начал его уговаривать. Но не таков был Магомет, чтобы его мож-

но было отговорить от дела, которое он считал делом Божиим и себя его исполнителем и проповедником.

– Если бы они давали мне солнце в правую руку и месяц в левую – с тем, чтобы я оставил это дело прежде, чем Бог даст ему победу, или я погибну за него, то я не оставил бы его, – заявил Магомет.

– Проповедуй все, что хочешь, сын брата моего; я ни за что никогда не покину тебя, – сказал Абу-Талиб. Абу-Талиб любил Магомета и никогда не позволил бы обидеть его.

Таким образом, меккинцам не удалось отбить Магомета от рода и лишить его покровительства и защиты гашимитов; хотя род не верил учению Магомета и не признавал его призвания, тем не менее, исконный долг лежал на роде – защищать своего члена. Не желая вступать в родовую борьбу с гашимитами, меккинцы должны были принять свои меры против Магомета и его последователей.

Прошло 10 лет проповеди Магомета, а последователей у него насчитывалось всего только несколько десятков, да и те состояли из рабов и людей бедных. Вот меккинцы и обрушились прежде всего на рабов. Господа этих несчастных начали их теснить, обижать и делать всевозможные неприятности. Тогда Абу-Бекр выкупил этих рабов и тем избавил их от истязаний... Меккинцы прибегли к другой мере: они от-

казались иметь общение с последователями Магомета. Их не допускали в Каабу, не покупали у них товаров, не продавали им предметов насущной необходимости, смеялись над ними, издевались, да и самая жизнь их не всегда была вне опасности. Тогда Магомет поселился на окраине Мекки, в доме дяди своего Абу-Талиба, где также, для взаимопомощи, поселились и многие из последователей Магомета, остальная же часть его учеников бежала в Абиссинию. Это было в 615 г. по Р. Х. Корейшиты просили негуса Абиссинии выслать последователей Магомета, но тот не исполнил их просьбы.

Однако проповедь Магомета мало двигалась вперед. Магомет сознавал, что если он избранник божий для проповеди слов Его, то должно же найти какой-нибудь путь к более успешной деятельности. И вот он придумал пойти на уступку корейшитами. Магомет решил признать главнейших богов Каабы. В самом деле, на небе, кроме Единого Бога, есть еще ангелы, святые и проч. Не будет большой бедой, если он за некоторыми богами признает кое-какое значение. Явившись в Каабу, он открыто заявил, что считает Лата, Уззу и Манаха великими заступниками перед Аллахом. Этим актом признания Магомет сразу примирился с корейшитами и дело его поставлено было более прочно. Его последователи, бывшие в Абисси-

нии, теперь свободно возвратились в Мекку.

Но, выиграв эту уступкою в одном отношении, Магомет проиграл в двух отношениях: 1) его сторонники были огорчены, увидев допущение многобожия и идолопоклонства, что грозило отпадением его главных союзников, и 2) собственная совесть Магомета еще более возмущала его и он решился отречься от своего признания идолов. В один прекрасный день Магомет явился в Каабу и торжественно заявил: «Бог один в себе самом совершенный, он не родил и не родился и никогда не было на свете существа ему подобного».

Дела Магомета опять пошли худо. Несмотря на то, что число сторонников его увеличилось, несмотря на то, что к нему присоединились могущественные деятели, как Хамза, Абу-Бекр и др., – последователей Магомета было все-таки довольно мало. Им пришлось искать защиты даже у своих врагов. Сам Магомет нашел себе пристанище у враждебного рода махцумитов и спасался только их силою. В эту пору присоединился к последователям Омар. Этот могущественный человек очень сильно поднял двух последователей Магомета. Они стали появляться на улицах, посещать Каабу и даже публично проповедовать. Магомет открыто нападал на правителей, обличал их в гордыне и доказывал их ничтожество пред Господом. Разумеется, этот вызывающий тон не прошел даром для по-

следователей Магомета. С конца 617 г. жители Мекки прекратили с ними все общественные сношения, отказали им в праве брачных союзов, исключили из участия в караванной торговле и, таким образом, объявили Магомета и его последователей вне закона. Такое тягостное положение длилось два года. Дольше терпеть его становилось невозможным. В 619 г. последователи Магомета вновь переселились в Абиссинию.

Теперь на Магомета обрушились и другие несчастья. Умерла Хадиджа, его верный друг и мудрый советник, умер старшина рода Абу-Талиб, очень любивший Магомета и всегда защищавший его. Проповедь в Мекке, очевидно, оставалась бесплодной. Нужно было подумать о распространении учения вне Мекки. Магомет отправился в Таив, но там его проповедь закончилась весьма неудачно. Магомета осмеяли, избили и едва не убили. Только благодаря случаю Магомет остался жив и бежал в Мекку.

Но в Мекке было не лучше. Своим учением он успел вооружить против себя идолопоклонников, успел оттолкнуть и ганиффов. Нашлись книжники, которые стали изобличать Магомета в незнании писания и в смещении откровений ганиффского писания и персидских преданий. Напрасно Магомет ссылался на то, что его учение то же, что было открыто патриархам: Адаму, Ною, Аврааму и др., и что его учение – самое верное,

потому что ему последовало самое недавнее, не искаженное еще откровение... Все его уверения остались тщетными.

А тут еще вышло осложнение со старейшиной рода. Вместо умершего Абу-Талиба старшиной рода стал Абу-Лахаб. Между Абу-Лахабом и Магометом еще раньше вышла неприятность; но теперь Абу-Лахаб, ставши начальником рода, объявил Магомету, чтобы тот ничего не опасался и жил, как при Абу-Талибе, так как он берет его под свое покровительство. Вскоре, однако, именитые люди успели поссорить Абу-Лахаба с Магометом и Магомет остался одиноким.

Магомет пал духом. Он стал терять веру в успех своего дела, – терять веру в себя. Магомет начал думать о том, чтобы перенести свою проповедь куда-либо вне Мекки. Случай скоро тому поблагоприятствовал.

ГЛАВА VII

На праздничные торжества у Каабы собирались арабы со всех мест Аравии. Магомет пользовался этим случаем распространять свое учение. Он ходил между прибывшими, высматривал, выслушивал и, если находил благоприятную почву, старался обратить в свою веру. Так Магомет набрел на кучку арабов из племени Хазрадж. Это племя занимало первенствующее место в Ятрибе. Племя Бену-Хазрадж имело по соседству несколько еврейских племен, с которыми оно жило в мире и согласии. Евреи, разумеется, не преминули сообщить своим соседям сведения о своем вероучении о Едином Боге и ожидаемом Мессии. Хотя это учение к арабам и не привилось, тем не менее, о нем знали. Этих-то хазраджцев теперь встретил Магомет, отвел их в сторону и поведал им свое учение. Ятрибцы поддались учению. Они припоминали учение иудеев о пришествии Мессии и стали рассуждать между собою: «Не это ли тот самый пророк, о котором сказывали нам иудеи, что время его уже близко и что, когда он восстанет, они пойдут за ним и побьют всех враждебных им арабов и истребят их, как „были истреблены в древности неверные племена Ад и Ирам. Не лучше ли теперь нам предупредить их и

первыми пристать к пророку?“

Затем они обратились к Магомету и сказали ему:

– Земляки наши самые сварливые и разрозненные из всех народов, и потому мы уже хотели покинуть их. Но вот, быть может, истинный Бог соединит нас всех через тебя. Поэтому мы вернемся в город наш и положим дело твое перед глазами соплеменников наших и вложим в уши их веру, принятую от тебя. И если истинный Бог в соединении приведет их к тебе, не будет человека во всей земле сильнее тебя.

Ятрибцев было шесть. Они обещали на будущий год в это же время прибыть на это место.

Прошел год, и ятрибцы явились, но уже уверовавших в учение Магомета было 12. Они засвидетельствовали, что принимают учение Магомета, или *ислам*, и дали клятву не признавать другого Бога, кроме Единого, не веровать, не прелюбодействовать, не умерщвлять своих детей, не сочинять и не распространять клеветы и быть послушными посланнику Божию во всяком добром деле.

На это Магомет им сказал:

– Если вы это исполните, то рай наверно будет принадлежать вам; если же согрешите, то от Бога зависит наказать вас или помиловать.

Отпуская новообращенных, Магомет отрядил с ними Мусабана, человека испытанного и преданного вере

и Магомету, дабы он наставлял их в коране и общей молитве.

«Вскоре после этого Магомет в восхищении видел видение. Неведомая сила, которую он признавал за архангела Гавриила, подняла его с ложа и вывела из дому. Он увидел волшебного коня Эль-Борана (молния) и, сеч на него, в одно мгновение очутился в Иерусалиме, около дома молитвы. Здесь он нашел сонм пророков и среди них Авраама, Моисея и Иисуса Христа. Он молился вместе с ними. Затем ему подносят три чаши: одну с водою, другую с вином и третью с молоком. Он слышит чей-то голос, говорящий: если он возьмет воду, то потонет вместе с общиной своей, если возьмет вино, то будет блуждать с общиной своей, если возьмет молоко, то пойдет правым путем с общиной своей. Магомет выбрал чашу с молоком. После того он проходит через семь небес и достигает лицезрения Самого Бога, от которого получает для мусульман заповедь пятидесяти молитв. Но на обратном пути у ворот каждого неба он встречал одного из великих пророков, который внушал ему, что мусульмане не вынесут такого большого числа молитв и чтобы он просил Бога сократить их. Так он и сделал и, при выходе из последнего неба, число молитв свелось к тем

пяти, которые установлены в коране»
(Вл. Соловьев).

Прошел еще год. На праздник 622 г. пришло уже 75 обращенных в ислам. К ним явился Магомет вместе со старшим в роде – Абассом. Видя такое доверие к своему учению в Ятрибе, Магомет решил переселиться в Ятриб. Нужно, однако, чтобы новая семья Магомета приняла его по обычаям страны, причем столь же торжественно должен был сдать его и прежний род. Для этого-то и явился Магомет с Абассом.

Абасс спросил от имени гашимитов и Муталиба, присутствующих из племени Хазраджа и Ауса, желают ли они принять к себе Магомета как своего родного. Ятрибцы изъявили полное согласие. Абасс объявил Магомета отпущенным от племен и свободным от обязательств по отношению к своему роду. Тогда Магомет потребовал, чтобы ятрибцы поклялись, что они будут защищать его от всякой беды, даже с оружием в руках, как они защищают своих жен и детей. После данной клятвы Магомет избрал 12 мужей – 9 из племени хазраждей и 3 из аусов – для заведования общиной и для дальнейшей проповеди вероучения. Отпустив последователей, Магомет оставался еще в Мекке. Вскоре после этого в Ятриб перебралось большинство меккинских последователей Маго-

мета, в Мекке же при Магомете остались только Абу-Бекр и Али.

Любовь и преданность последователей Магомета к своему учителю и его учению были необыкновенно трогательны. Как «мохаджиры», переселенцы из племени корейшитов, так и «ансары» – уроженцы Ятриба и других племен, были преданы Магомету до фанатизма. Они терпели ради него гонения и муки, покидали родину, имущество и семьи, были его телохранителями и неустрашимейшими солдатами армии. А телохранители Магомету теперь были нужны.

Корейшиты довелись, что Магомет желает покинуть Мекку и перенести деятельность в Ятриб. Это вовсе не было в их интересах; поэтому одиннадцать человек корейшитов дали клятву убить Магомета. Магомету предстояла двойная опасность: и в Мекке его ожидала смерть, и на пути в Ятриб его ожидала смерть. Только благодаря Али и Абу-Бекру Магомету удалось уйти из Мекки и благополучно прибыть в Ятриб.

Это произошло в 622 г. по Р. Х. Недалеко от Ятриба Магомета неожиданно встретили как магаджиры, так и ансары. Магомет вошел в Ятриб, как в свой родной город, и с тех пор этот город, в честь пророка, стал называться Мединой. Год переселения Магомета в Медину считается первым годом магометанского

летосчисления.

ГЛАВА VIII

С этого момента Магомет становится не только проповедником и пророком, но и великим политиком. Трудно даже и сказать, в чем больше проявился его гений.

Вскоре по прибытии в Ятриб, или Медину, Магомет дал своим последователям устав, которым магометане совершенно выделяются от арабских идолопоклонников и язычников, и положил прочное религиозно-политическое основание новой религии, новому народу – мусульманам, или исламитами. На основании этого нового закона все верующие, как корейшиты, так и хазраджиты и другие племена Ятриба, магаджары и ансары, составляют один неразделенный и равноправный народ. Магомет не делит своих последователей на племена, а теперь существуют только правоверные и неверные. Правоверные должны жить в мире, забыть вражду и раздоры и помогать друг другу. Кровавая месть между племенами была уничтожена, а решение споров и тяжб приносится на усмотрение Бога и его пророка.

Правда, была группа людей, которые в отношении к правоверным представляли некоторое неудобство и затруднение: это те жители Медины, которые не бы-

ли последователями Магомета, но и не враждовали с ним. Кроме того, существовали еще люди, с которыми Магомету по необходимости приходилось ладить. Они жили в Ятрибе и около, в значительном количестве. С ними приходилось считаться – и Магомет считался. В своих указаниях последователям *киблы* он назначил ее не в Мекке, а в Иерусалиме. Киблою называется место, куда правоверный во время молитвы должен был становиться лицом. И вот, желая подкупить иудеев, Магомет принял их пророков: Адама, Ноя, Авраама, Моисея и др., киблою признан Иерусалим. В свою очередь, и иудеи признали его пророком, посланным Богом для просвещения язычников, подобно тому, как Моисей был послан народу израильскому. Иудеи дали согласие жить с магометанами в мире, в тяжёбных делах между иудеями и магометанами принимать решение Магомета, в войне – помогать деньгами.

Старался ладить Магомет и с христианами и сектантами, предоставляя им те или другие права и положение.

Вскоре последователей Магомета стало очень много. Теперь он был не только провозвестником слова божия, но и властителем и повелителем. Всякий, вступающий в ислам, становится добровольным подданным Магомета. Магомет мало-помалу становился

распорядителем всей Медины.

Почувствовав свою силу, Магомет невольно проявил хищнический бедуинский инстинкт. Имея около себя приверженцев, считавшихся уже сотнями, людей беспредельно преданных Богу и Магомету, Его пророку, Магомет решился совершить набег. Да и пора уже было об этом подумать, потому что магаджары не имели никаких средств к существованию. Пора было и Мекке показать, что Магомет жив и Магомет сила. Посланы были разведчики, которые разыскали небольшой караван. Караван был разбит и добро разграблено. Правда, это была частица, только раззадорившая аппетит... Скверно было и то, что грабеж был произведен в священный месяц. Но Магомет и здесь нашел оправдание: Бог скорее простит грабеж, нежели идолопоклонство, а потому грабеж и нападение на идолопоклонников позволительны и в священные месяцы. Страшно это разозлило меккинцев, но это было только началом скверного.

Вскоре Магомету донесли, что идет меккинский караван с огромнейшими богатствами, охраняемый 950 арабами, под предводительством Абу-Сафиано, злейшего врага Магомета. Магомет не долго думал. Собрал около трехсот всадников из своих приверженцев и быстро напал на караван. Сражение было необыкновенно жаркое. Мусульмане проявили чуде-

са храбрости и всю силу мусульманского фанатизма. Охрана каравана была разбита и караван захвачен. Магометане возвратились в Медину с богатствами и рабами.

Теперь Магомет чувствовал за собою не только нравственную, но и физическую силу. Число его последователей росло, и ему нечего было заискивать у иудеев. Да что-то и не ладился с ними союз; уже раньше между Магометом и иудеями вышли недоразумения. Иудеи изобличали Магомета в незнании их священных преданий. На это Магомет заявил, что не его учение не верно, а иудейское, ибо библия есть только частица божественного учения, а коран – целое. В отместку же за дерзость иудеев Магомет отменил киблу – Иерусалим и восстановил прежнюю – Мекку. На то были у него и другие расчеты: требовалось восстановить значение Мекки, ибо он предвидел в недалеком будущем тот момент, когда Мекка будет в его руках.

Теперь, почувствовав на своей стороне и военную силу, Магомет решил посчитаться с евреями. Благо их племена жили врозь, как и племена арабские. На этот раз Магомет напал на племя Бену-Кейнока. Еврейское племя было уничтожено и добыча мусульман была очень обильна. Вскоре и остальные еврейские племена были уничтожены.

Но мусульманам грозила другая беда. Меккинцы

собрались отомстить мусульманам. Магомету донесли, что против него идет целая армия в 10 тысяч воинов под предводительством Абу-Сафиано. При всей усиллии Магомет мог противостоять с тремя тысячами воинов. Битва окончилась очень печально для мусульман. Сам Магомет был ранен. Тем не менее, меккинцы ограничились только разгромом мусульман и возвратились обратно домой, назначив через год вновь помериться силами с мусульманами.

Прошел год, и Абу-Сафиано явился с новыми силами. Магомет и теперь не мог рассчитывать на победу в открытом поле и прибег к новой военной тактике – окопам рвами. Этот способ защиты не был известен бедуинам и не был благоприятен для нападающих, а потому, простояв достаточно долгое время с войском, Абу-Сафиано возвратился в Мекку ни с чем.

Теперь Магомет занялся развитием своих сил и укреплением правоверных. Через два года он уже сам признал возможным предпринять поход на Мекку. Правда, дело и теперь до сражения не дошло, но Магомет был сила и с ним меккинцы заключили перемирие на десять лет.

Магомет сознавал, однако, что еще не наступил момент покорения последнего сопротивления Мекки. Нужно было еще увеличить и укрепить войско. Единство религиозное в магометанстве влекло за со-

бою одно весьма важное последствие – политическое объединение всех племен Аравии. И вот Магомет направляет свои действия на области Центральной Аравии – Неджида и Йемамы. Это была чистая и неприкосновенная страна бедуина. Нападая на отдаленные племена, Магомет присоединял их к себе или истреблял. Успех покоряет слабых и усиливает сильных. Удача Магомета привлекала к нему хищников из пустынных степей. Силы Магомета росли. Победы давались легко. Область его владений расширялась.

Теперь можно было подумать и о Мекке. И Магомет подумал. В начале весны 628 г. Магомет видел сон, и сон тот вещал ему, что он совершил хождение в Мекку и что ему переданы будут ключи Каабы. Об этом сне Магомет поведал своим правоверным и приказал собираться в поход. Под знаменем пророка собралось более 10 тысяч всадников. Мекка о сопротивлении не могла и мечтать. Купеческая Мекка сдалась. Абдуль-Азис, дядя пророка, и Абу-Сафиано первые приняли ислам.

Последовал торжественный въезд Магомета в священный город. Сидя на верблюде, Магомет семь раз объехал Каабу и семь раз прикоснулся посохом к священному камню. Засим он вошел в Каабу и торжественно объявил: нет Бога, кроме единого Бога. Идолов не стало.

Итак, еще восемь лет назад Магомет бежал из родного города, гонимый, позоримый и беспомощный, а ныне он смело мог воскликнуть: «О, Аллах, Аллах, ты исполнил свои обеты, даровал рабу твоему победу и покорил язычников!» Ушедши жалким проповедником, Магомет через восемь только лет явился великим повелителем. Мекка была у ног его.

Теперь Магомету оставалось сделать в Аравии немного. Племя за племенем сдавалось почти без боя, и скоро он стал обладателем всей Аравии. Под его мощною рукою создавалась могущественная всеарабская держава, которой суждено было покорить едва ли не весь мир. Карлейль был совершенно прав, говоря: «великий человек является всегда точно молния с неба; остальные люди ожидают его, подобно горючему веществу, и затем воспламеняются его пламенем». Пламя ислама разлилось рекою по всему миру... И в Магомете исполнялось пророчество, данное Измаилу: «и все благословив его, и возвращу его, и умножу его зело: дванадесять языки и дам его в язык велий...»

После этой важнейшей победы Магомет прожил не много. Перед смертью ему удалось испытать величайшее счастье – видеть венец торжества своих жизненных деяний. Это было торжественное шествие пророка в Мекку из Медины на поклонение святыне.

Шествие сопровождалось несметною толпою мослимов, собравшихся со всех областей Аравии узреть и приветствовать своего пророка и повелителя правоверных и принять участие в этом торжественном шествии во главе с повелителем. Магомет совершил все священные обряды. Со всею торжественностью он посетил священные места, исполнил все требования и принес жертвы. Строгим соблюдением древних обрядов Магомет хотел ясно показать, что основанная им вера не есть что-либо новое, а только лишь обновленное и очищенное арабское богопочитание. Это — та же религия праотца Авраама, родоначальника арабийских народов, строителя Каабы и учредителя меккинского паломничества.

Магомет совершил великую историческую задачу. Он дал своему народу такую веру в Бога, которая наиболее соответствовала его природе, историческому развитию, преданиям и условиям жизни. Это поистине была народная душа, оживотворенная верою в единого Бога, творца всего и самого исповедника. Своим последним путешествием на поклонение в Мекку Магомет примирил свою веру с историческими и местными началами и, сходя в могилу, он успел наложить на нее последнюю национальную печать.

Магомет умер 8 июня 632 г.; но его вера только начинала жить. Она росла, развивалась и покоря-

ла мир. И долго она будет еще жить, пока не уступит вере более живой, мягкой, любящей, всепрощающей, освященной самопожертвованием и всеобщим миром. Имя же Магомета не умрет, пока будет жить мыслящий человек.

Умирая, Магомет сказал: «Сражайтесь с неверными, пока всякое противление исчезнет».

Но человек получил и другой завет: «Обнаживший меч от меча погибнет». Тот же Богочеловек оставил нам и другую заповедь: «Новую заповедь даю вам: любите друг друга и большия любви никто же имать, да положит душу свою за други своя». Вот тот меч, который погубит «обнаживших меч».

ГЛАВА IX

Магомет – плут, лгун, обманщик. Он измыслил видения и откровения для того, чтобы морочить людей и пользоваться их легковерием. Он проделывал какие-то экстазы, чтобы придать больше значения своим выдумкам.

Магомет – человек святой, стоявший в прямом общении с Богом. Он имел божественные видения и божественные откровения, и это уже одно показывает, что он святой.

Вот две крайности, которые мы слышим о Магомете, По нашему мнению, Магомет был ни лгун, ни обманщик, ни святой. Видения и откровения его тут ни при чем. Эти видения и откровения Магомета – явления самые естественные и даже нередко встречавшиеся, встречаемые и имеющие встречаться.

Три прижизненных явления Магомета могут быть легко объяснены на основании современных научных данных: его видения, его припадки, его откровения.

Видения Магомета с сообщением ему божественного учения – это галлюцинации зрения и слуха. Под именем галлюцинаций понимаются ощущения, возникающие в нашем сознании не вследствие внешнего раздражения действительно существующими пред-

метами, как это бывает со всеми обычными ощущениями, а вследствие внутреннего самостоятельного раздражения центра органа чувства, причем возникающее в центре органа ощущение относится во внешний мир, как бы предмет при этом виделся в действительности. Так, один южный житель шел через парк и увидел пасущихся ослов; он хотел похлопать одного из них по спине и очень удивился, когда рука его не встретила ничего. Ослы эти явились снова перед ним, и он несколько раз сделал бесполезную попытку тронуть их (Griesinger). Один эпилептик часто видел следующее: на него нападала тьма, в этой тьме возникала игра красок, из которой выделялся образ старика. Этот старик был одет в широкий плащ, имел развевающиеся волосы и гулял по берегу моря. На море плавала лодка, а в лодке сидел человек. Вся картина была окрашена в ярко-красный цвет, за исключением старика, лодки и человека в ней сидящего (Hay).

Я мог бы привести бесчисленное множество примеров галлюцинаций как из литературы, так и из собственной практики, и все они свидетельствовали бы одно, что это ощущения ложные, не имеющие во внешнем мире для себя соответствующего раздражения и происходящие в центре органов чувств, или вследствие непосредственного раздражения центра, или вследствие возбуждения или импульса из обла-

сти представлений. Все эти ощущения имеют ту особенность, что они не представляют чего-либо нового в нашем сознании, а только лишь воспроизведение следов прежде бывших ощущений. Правда, возникающие галлюцинаторные ощущения могут отличаться от действительных, они могут представлять самые причудливые и невероятные сочетания различных прежних следов ощущения и потому давать сочетания образов и звуков как бы новых и дотоле не виденных и не слыханных, но, по существу, элементы этих образов будут прежние, ранее существовавшие. Особенно мало отклоняются от действительности те галлюцинации, которые возникают под влиянием импульсов из области представлений. Обыкновенно при этом воспроизводятся те образы, звуки и гармонии, о которых человек думает, рассуждает, которые он психически переживает. Тогда и самые видоизменения галлюцинаторные являются отражением тех особенностей, которые образуются в области нашего мышления. В этом случае галлюцинации, или субъективные видения и гармонии, возникают как бы под влиянием самовнушения. Мысли и мечты человека воплощаются в образах и гармонии. Но так как человек может мыслить только тем материалом, который он воспринял из внешнего мира, то и воспроизводить он их может только в образах внешнего мира, прида-

вая им тот или другой оттенок сознательно или бессознательно, какой складывается в данный момент в нашем мышлении.

Все вышесказанное не означает, однако, того, что человек по произволу может создать галлюцинации. По произволу человек может создавать образы воображения и фантазии; эти образы могут быть очень живы, яркие и рельефны, как, например, у художников и композиторов, но эти образы отличаются от галлюцинаций как по происхождению, так и по проявлению.

По проявлению отличаются образы воображения от галлюцинаций тем, что галлюцинаторные образы гораздо рельефнее и отчетливее образов фантазии и воображения. Далее, образы галлюцинаций возникают без всякого усилия и напряжения с нашей стороны, тогда как образы воображения и фантазии требуют с нашей стороны значительной затраты личной энергии.

Наконец, между ними существует слишком серьезная разница и в происхождении: образы фантазии и воображения возникают по нашему произволу, они являются тогда, когда мы хотим, и исчезают по мановению нашего желания; образы галлюцинаций являются непроизвольно, без нашего ведома, часто против нашего желания, существуют, сколько хотят, и исчезают, когда хотят. Словом, это проявление нашей

жизни совершенно произвольное и не подчиняющееся ни нашему хотению, ни нашему решению. В галлюцинациях могут отражаться образы нашей фантазии и воображения, но столь же произвольно, как при проявлении негатива отражается образ действительного предмета. В этом случае центр органа чувства является негативом как предметов внешнего мира, так и предметов нашей фантазии и воображения. Проявление же этих отражений отличается тем, что в нормальном ощущении оно проявляется по нашей воле и желанию, в галлюцинации же по каким-то внутренним – анатомическим, или химическим, или молекулярным, неизвестным нам – условиям жизни органа чувства.

Для нас важно то, что содержание галлюцинаций может зависеть от содержания нашего мировоззрения, но появление и возникновение галлюцинаций стоит вне нашей воли и составляет болезненное состояние центров органов чувств.

Причиной галлюцинаций служат все обстоятельства, ставящие центры органов чувств в неправильные условия существования: усиленный приток крови, малокровие, изменения сосудов, питающих органы чувств, изменения самого существа мозга, новообразования и другие болезненные процессы, крайняя возбудимость органов чувств, изменения состава

ва крови занесением ядовитых веществ – отравления и самоотравления и проч. Жизненные условия, влияющие вызывающим образом на галлюцинации, будут: умственное и физическое переутомление, болезни, связанные с высокой температурой, и заразные болезни, истощение организма, усиленное моление, продолжительные строгие посты, резкие переходы в тропический жар и полярный холод, общее настроение человека, жизненные события, политические и религиозные движения, фанатизм и проч.

Спрашивается, будет ли галлюцинант душевно-больной или душевно здоровый человек? Принято считать, пока человек способен давать себе отчет в том, что его галлюцинации обманы чувств, болезненные явления и он исправляет данную ошибку прежним опытом и другими органами чувств, до тех пор он здоровый человек, когда же человек не может уже понимать обман восприятия и принимает эти ложные ощущения за действительные – он стал душевно-больным. Но из этого общего положения должно сделать значительные исключения. Прежде всего есть много душевнобольных, которые вполне сознают болезненность своих галлюцинаций, открыто заявляют об этом и просят указать им меры для избавления от их назойливого болезненного состояния. Во-вторых, есть и душевно здоровые люди, которые верят в ис-

тину их ложных ощущений, принимают их за действительные и поступают соответственно их галлюцинациям.

Последнее явление часто наблюдается у людей простых, невежественных, необразованных и суеверных. Не имея понятия о возможности происхождения этих явлений вследствие болезни, они логическим признанием принимают их за действительность. Особенно много этому благоприятствует невежество, суеверие, убеждения больного в возможности данного явления, политическое и религиозное течение, фанатизм и настроение окружающей среды.

Все эти жизненные обстоятельства могут влиять не только на отдельное лицо, но и на целые массы, возбуждая массовые галлюцинации. Так, во время франко-прусской войны один сапожник Страсбурга, смотря в свое окно, видел дерущихся и сражающихся французов и немцев в то время, когда у Страсбурга не было ни тех, ни других. Целые полки нападали один на другой. Кровь лилась всюду. Это сапожника страшно поразило, и он сказал о видении другому лицу. Другое лицо тоже увидело сцену сражения, но именно только в одну, известную, часть окна, а в другие нет. То же сражение видели сотни и тысячи лиц... Verga передает следующий случай. В деревне Capano, расположенной в итальянских Апеннинах, с народонаселени-

ем невежественным, очень религиозным и фанатичным, одна женщина на холме увидела Мадонну – Мадонну, одетую в черное платье, плачущую, окровавленную и с грозною речью на устах к народу. Женщина была поражена и поспешила сообщить об этом соседкам. Население всполошилось. Десятки, сотни и тысячи людей потянулись к холму и видели Мадонну. Пошли целые процессии с пением духовных песен и церемониями. Духовенство пользовалось случаем. Только экстренные военно-полицейские меры уничтожили сборища и прекратили существование массовой галлюцинации. Это было всего только 20 лет назад.

Все это нам показывает, что данное религиозное и политическое настроение, суеверия и события дня данного общества могут вызывать не только у отдельных лиц, но и у целых народных масс галлюцинации. Но, разумеется, все эти условия в возникновении галлюцинаций играют второстепенную роль и вызывают галлюцинации в таком только случае, если органы чувств к тому подготовлены. При таких обстоятельствах люди, не будучи душевнобольными, могут верить в действительность галлюцинаций и исполнять все требования и приказания их.

Обращаясь к Магомету, мы видим, что он имел видения и слышал голос, поучающий, наставляющий и повелевающий. Несомненно, это были галлюцинации

зрения и слуха. Преданный всей душой Богу, живущий мыслями только о Боге, проводящий всю жизнь в размышлении, Магомет, весьма естественно, имел и соответственные тому галлюцинации. Ему являлись архангелы Гавриил и Михаил и приказывали именем Божиим. Ангел передавал приказания о том, о чем Магомет сам постоянно думал, – о делах веры и почитании Бога. В силу своих убеждений Магомет считал вполне возможным появление таких посланников Божиих. Такие ангелы являлись же патриархам и передавали им повеления Бога. Ныне жители Аравии нуждались в обновлении религии и потому, естественно, Бог мог послать своего ангела вестником веры и богопочитания. А так как он, Магомет, особенно много думал о новом богопочитании, то почему же не послать этого вестника именно к нему, Магомету.

Таким образом, у Магомета были галлюцинации зрения, слуха и осязания, и, по своему воспитанию и убеждениям, Магомет не только принял, но не мог не принять, должен был принять эти галлюцинации за действительность, уверовать в них и исповедовать их учение.

Возникновение таких галлюцинаций у Магомета было вполне возможно. В то время Магомет был на Хире. Это был месяц молитв и покаяния. Магомет постился и молился дни и ночи. Все это привело его в

истощение, что вполне способствует появлению галлюцинаций; а постоянное сосредоточение на религиозном мышлении дало и облик галлюцинациям, и содержание их речей.

Таким образом, религиозные размышления, частые беседы с иудеями и христианами, сознание необходимости религиозного обновления для арабов, постоянное пребывание в картинах и образах фантазии о сообщении Богом вероучения, продолжительные, утомительные молитвы, не менее утомительное бдение и истощающие посты могли породить галлюцинации, и именно известного содержания – религиозные галлюцинации; а эти религиозные галлюцинации, в свою очередь, должны были закрепить в Магомете веру в свое посланничество и небесное назначение.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что делал Магомет. Его вера в видение и откровение была искренняя вера, его убеждения в своем избрании были искренними убеждениями и его проповедь была чистая и искренняя проповедь.

Видения и откровения Магомета являются не логическим актом, образовавшимся на основании мышления, а органическим, явившимся самостоятельно в центрах его органов чувств. Если логическое мышление путем новых доводов может быть поколеблено,

сдвинуто и разрушено, то в Данном случае у Магомета на помощь мышлению явились органические отправления органов чувств, не устранимые ни мышлением, ни соображением. А так как эти органические отправления вполне совпадали с убеждениями и содержанием мышления, то его убеждения суммировались и приобретали значение непоколебимого патологического убеждения, когда человек отдает свою жизнь и идет на все возможные истязания и мучения мужественно и непоколебимо.

В данном случае было все за Магомета: и среда, и обстановка, и веяние времени, и общественные течения, и его личное мышление и убеждение, и болезненное состояние органов чувств. Поэтому говорить о какой-либо лжи, выдумке и обмане со стороны Магомета нет никакого основания, ибо все деяния Магомета находят себе полное оправдание в его болезненных явлениях, которые у него, несомненно, существовали.

Но и этого еще мало.

ГЛАВА X

Магомет страдал какими-то припадками. Он терял сознание, падал в судорогах, лицо становилось бледным, на лбу выступал пот, припадок сопровождался диким криком, после припадка на него нападал какой-то экстаз. Иногда состояние экстаза с видениями и откровениями наступало после головокружения. Эти припадки имеют особенно важное значение, так как с ними тесно связано само откровение.

Подобные припадки в науке известны уже очень давно и относятся к болезненному состоянию, известному под именем эпилепсии.

Эпилепсия такое болезненное состояние, которое выражается припадками, длящимися несколько минут, с промежутками здорового состояния от нескольких дней до нескольких лет.

Болезнь эта присуща детскому и юношескому возрасту. Чаще всего она является в возрасте от 5 до 15 лет, реже к 16–20 годам и еще реже позже. Бывают и такие случаи, когда болезнь, пробыв некоторое время в детстве, затем прекращается, а в зрелом возрасте, при неблагоприятных жизненных условиях, возвращается вновь.

Припадки эпилепсии длятся от 2 до 5 минут и реже

10–20 минут. При всем том в течение даже этого кратковременного припадка различают три периода: период предвестников, судорожный период и постэпилептическое состояние. Период предвестников длится недолго, несколько секунд – минут. В большинстве случаев он состоит из галлюцинации органов зрения, слуха, осязания и проч. Очень часто эти больные имеют видения, слышат голоса, ощущают по телу как бы восхождение ветерка. По последнему ощущению – ветерка (*auga*) и самый период предвестников принято называть *авра*, хотя бы больной и не ощущал этой галлюцинации осязания.

Какова бы ни была авра, она столь слаба сравнительно с самой картиной припадка, что в большинстве случаев просматривается и припадок наступает как бы внезапно. Больной с диким, нечеловеческим криком падает на землю, причем во всем теле появляются судороги. Лицо становится бледным, багровым или красным, глаза скошены, на лбу и теле выступает пот; человек теряет сознание и остается нечувствительным ко всему окружающему. Так длится припадок 3–4 минуты. Затем все стихает, больной впадает в изнеможение и сноподобное состояние. Проходит еще несколько минут, и человек опять в себе. Сначала припадки появляются изредка, раз в год, затем все чаще и чаще и, наконец, почти ежедневно.

По мере учащения припадков они становятся слабее и короче; но у большинства людей они отражаются на умственных способностях, низводя людей, по истечении 15–20 лет часто появляющихся припадков, к ослаблению умственных способностей. Это наиболее частая форма болезни. Но существуют и другие формы эпилепсии.

Эпилепсию делят на телесную и душевную. Телесная – это та форма, когда во время припадка поражается только организм, душевная же жизнь выводится из круга деятельности, что выражается бессознательным состоянием; душевная эпилепсия состоит в том, что во время припадка к явлениям телесной эпилепсии присоединяются болезненные проявления в душевной области в виде бреда, экстаза, сумеречного состояния и проч.

Телесная эпилепсия делится на два отдела: большую эпилепсию, или судорожную, картину которой я до некоторой степени уже представил, и малую эпилепсию, состоящую в головокружении и потере сознания, длящейся от нескольких секунд до нескольких минут (1–2).

Как большая, так и малая эпилепсия могут сопровождаться душевной эпилепсией; но могут быть, и в огромном большинстве случаев бывают, без душевной эпилепсии.

Самый чистый вид душевной эпилепсии – это эпилептическое буйство. Длится оно очень недолго, от нескольких минут до нескольких часов, но зато представляет страшную и ужасную картину разрушения. Больные переживают ужасающие, потрясающие галлюцинации и такой же бред и под влиянием их совершают страшные преступления, зверским образом убивая самых близких и дорогих людей или людей невинных, совершенно незнакомых, случайно попавшихся им под руку. О Геркулесе передают следующее: однажды он совершал жертвоприношение Юпитеру. В это время глаза его перекошились и налились кровью, по бороде потекла пена, на лице явилось судорожное перекашивание. Он начал раздеваться и производил движения, как бы он с кем-нибудь дрался. После этого Геркулес стих, и думали, что он успокоился; однако он схватил оружие и бросился на отца, жену и детей; жену и детей убил, отца же если не убил, то только потому, что ему помешали. После этого он упал и заснул.

Если рассказ Еврипида и Сенеки верен, то это чудеснейшее буйство Геркулеса может служить прекрасным примером эпилептического буйства.

Душевная эпилепсия может проявляться перед припадком судороги или головокружения как бы вместо эпилептической авры, или после судороги или го-

ловокружения – в постэпилептическом состоянии, или заменяя его, или судороги могут быть среди буйства.

Но кроме этой формы душевной эпилепсии, она может проявляться весьма разнообразно: в виде грандиозных галлюцинаций, автоматических действий, сноподобного состояния, экстаза и т. п.

В числе других проявлений душевных уклонений нередко наблюдается болезненная эпилептическая религиозность. Эта религиозность проявляется как в эпилептических припадках, так и в промежутках между ними в обычной жизни.

Вопрос о болезненной религиозности эпилептиков давно интересовал науку, и в ней набралось уже достаточное число работ. Таковы в этом направлении исследования: Pivion, Raab, Toselli, Skay, Howden'a, Norbury и др. Замечено уже давно, что болезненная религиозность сильно развита бывает у людей, расположенных к судорожности, и особенно у эпилептиков. Pivion говорит, что если бы тщательно пересмотреть процессы средневековых конвульсионеров, то у многих из них мы могли бы найти эпилепсию.

Loeb и Raab указывают на то, что эпилептики нередко имеют галлюцинации религиозного содержания, и приводят тому примеры. Больные видят Бога, Матерь Божию, ангелов, святых и проч., ведут с ними

речи, получают приказания и т. д. Эти галлюцинации могут появляться то в постлеэпилептическом состоянии, то взамен приступа, в виде его эквивалента.

Гораздо, однако, сложнее и интереснее проявление религиозного экстаза. Больные находятся как бы в сонном состоянии. Является масса галлюцинаций, особенно зрительных и слуховых. Все это постепенно меняется и различно сочетается. Галлюцинации смешиваются с бредом. Больной входит в общение с Богом, Иисусом Христом и проч., ведет речи, испытывает особенное блаженство и особенное счастье. Все окружающее они сознают, но в совершенно извращенном виде. Все это смешивается с их видениями и составляет хаотическое целое. Являются галлюцинации общего чувства: больным кажется, что они возносятся на небо, находятся в раю, проходят небеса, присутствуют при страшном суде, исследуют ад и т. п. Toselli по этому поводу говорит следующее:

«Религиозный бред и молитвенная экзальтация, являясь после припадка, настолько характерны, что уже по одному религиозному бреду можно поставить диагноз эпилепсии. Более часто это состояние при неполных формах эпилепсии, в классических же формах эпилепсии судорожный припадок часто заменяется приступом мании с религиозным бредом. Она развивается

после короткого периода меланхолической подавленности, быстро достигает высшего напряжения, продолжается 1–7 часов, а затем переходит в состояние утомления, разбитости и подавленности. Память относится различно к этому приступу: она отсутствует только в редких случаях, когда припадок душевного возбуждения начался еще во время общих судорог, и всегда бывает сохраненной, если судорожные явления не охватывают всего организма или же слишком кратковременны. При этом больные вспоминают все особенности бреда, пережитые иллюзии, ошибки суждения и опасные попытки. Воспоминание возвращается не сразу, а постепенно, иногда под влиянием разумно поставленных вопросов. Религиозно-эпилептический бред представляется очень разнообразным в течение короткого времени и всегда сохраняет характер чувственного бреда. В расстройстве мышления иллюзии и галлюцинации играют очень большую роль, фиксированные идеи и мономании отсутствуют. Во время припадков некоторые больные получают повеления от Бога, чувствуют, что у них является пророческий или реформаторский дух, слышат приказания, побуждающие их к актам неслыханной жестокости, называют себя сынами божьими. У многих наблюдаются иллюзии мускульного чувства, и больные испытывают,

как они отделяются от земли, несутся на небо, где созерцают различные чудесные видения. Другие жалуются на уколы, ушибы и мучения, включительно до страданий Христа на кресте».

«Религиозная экзальтация заменяет иногда и приступ малой эпилепсии».

«Религиозное чувство может быть усилено не только сейчас после припадков, но и в промежутках между ними. В заведениях для душевнобольных эпилептики часто отличаются набожностью и усердием к религиозным обрядам и молитве, что часто стоит в противоречии с их нравственностью... Религиозность эпилептическая не всегда выражается одинаково и иногда заменяется экстазом и религиозным бредом»

(Toselli).

Howden приводит несколько случаев религиозного бреда у эпилептиков и поддерживает то же учение о религиозном чувстве у эпилептиков.

По его мнению, эпилепсия не создает религиозного чувства, а только видоизменяет его, поэтому религиозная экзальтация предполагает уже ранее существующее религиозное чувство. Религиозное чувство эпилептика не влияет, однако, на нравственные начала эпилептика.

Мне лично приходилось наблюдать более тысячи эпилептиков, и, на основании личного опыта, я могу сказать следующее: религиозное чувство может быть усиленным у эпилептиков, но это не есть слишком частое явление. Религиозное проявление эпилепсии может выражаться в форме религиозных галлюцинаций, религиозного бреда, религиозной мании и религиозной экзальтации. Все эти проявления могут быть как в связи с припадком эпилепсии, так и их эквивалентом и в промежутках между припадками. Иногда религиозность резко проявляется в период наступления слабоумия, когда эпилептик в этой религиозности старается найти утешение в несчастье и надежду на спасение. Совершенно верно, что религиозность эпилептика не всегда стоит в согласии с его нравственностью, но, несомненно, между этими лицами есть и люди высоконравственные.

Я позволю себе привести два случая религиозных галлюцинаций и религиозной экзальтации, бывших под моим наблюдением.

I. Крестьянин, холост, православный, 40 л., красильщик, малограмотен. Отец и мать его пьяницы. Припадки судорожной эпилепсии начались на шестом году. В последние годы у него начали замечаться некоторые странности в религиозном отношении. Будучи богомазом, он много ходил по монастырям.

Здесь он любил молиться Божией Матери. При этом «ему становится так жалко, так жалко, что аж за душу хватает, а чего – и сам не знаю». Иногда и дома на него нападала эта жалость о Божией Матери, и он начал плакать, молиться и затем переходить в восторженное и восхищенное состояние... Больной полагал, что на земле ходит Христос. Он так думает и так чувствует. Сам больной, нищий, но святой человек; поэтому Спаситель ему завидует и несколько недоволен на него. Зависть эту он частью предполагает, а частью чувствует, – как? этого он не может выразить. Больной в одно и то же время и Василий Великий, и Григорий Богослов, и Иоанн Златоуст. Он сам Василий, отец его был Григорий, но почему он Иоанн – этого выяснить не может. Данный случай очень напоминает случай Blumenstock, в котором больной считал себя Христом, Девой Марией и Духом Святым.

Еще ярче проявление религиозной экзальтации было во втором случае, причем оно связано было, видимо, с припадками эпилепсии.

Больной, диакон, эпилептик, представил мне собственную рукопись, которую я привожу целиком.

«8 мая 1861 года явился ко мне неизвестный пустынник, лет, по-видимому, около 60, и предложил мне вопрос: „видел ли я третьего дня сон?“

– Видел.

– Какой?

– Страшный пожар; пламя шло с той стороны, куда была обращена моя спина, и в то время, как и меня обхватило, я проснулся.

– С какой стороны? – Я указал.

– В это время я послан был к тебе.

– Откуда, позвольте узнать?

– Из Симбирска.

– Но ведь вы не могли пройти этого расстояния в такой короткий срок!

– Я был в то время в Ливнах.

– Это другое дело. Чем же я заслужил это посланничество?

– Ты хорошего отца хороший сын!

– Да, отец мой был хороший человек, но я вовсе на него не похож ни по жизни, ни по нравственности.

При этом я исчислил все дурные поступки, утаив, впрочем, все, что было слишком неказисто. Каково же было мое изумление, когда он сам начал досказывать утаенное и недосказанное! Потом он начал сопоставлять все дурные поступки с хорошими, и оказалось, что перевес остался за последними.

Здесь разговор перешел на посторонние предметы, причем странник обнаружил большую ученость, начитанность, познания и логику. Он свободно рассуждал о таких предметах, которые

были для меня terra incognita. Вдался в рассказы из времен апостольских, причем произвел мою родословную от Корнилия Сотника (фамилия больного была Корнилиев). Затем он ушел, приказал мне переменить белье, причем сам выбрал единственную отцовскую рубашу для меня, и пойти к вечерне.

Какое-то благоговение и трепет наводило на меня присутствие этого человека. Туман помрачил мои мысли, и указание свыше управляло моими деяниями. Я был в состоянии откровения и внушения свыше.

После вечерни, возвращаясь домой, у ворот своего двора, я опять встретил того же странника и на просьбу его – благословить его – я отказал, так как, будучи диаконом, не имел на то права. Затем мы пошли в комнату. Вошедши в комнату, странник взял сосуд с маслом и налил масла в лампаду, причем лампада сама собою зажглась и комната наполнилась благоуханием. Странник сказал:

– Теперь ты веришь, что для меня возможны чудотворения по изволению Божию?

Затем многими восторженными религиозными разговорами довел меня до того, что я окончательно уверовал в его сверхъестественное посланничество от Бога. Опять объял меня страх и трепет благоговения пред лицом божественного посланника. Благодать Божия нисходила на меня,

и я ощущал, что внутри меня действовала сила Божия.

Далее странник сравнил меня с Авраамом, а мою веру – с верою Авраама и повелел мне единственную дочь мою принести в жертву Богу, по образцу Авраама.

– Но где же я возьму овна? – спросил я. Тогда странник стал на колени, обратил руки назад к солдатскому ранцу, висевшему у него на спине, и сказал: «вот тебе телец вместо овна», и велел мне раздеться донага. Я это исполнил, положил ему на шею свою рубаху, а на нее свою четырехлетнюю дочь и поразил складным ножом указанного тельца вместо овна, левою же рукой держал свою дочь. Затем он обратился ко мне и сказал: «теперь иди на двор и зови людей; скажи им на малороссийском диалекте, что тебя какой-то литвин уговорил зарезать твою дочь». Это я исполнил беспрекословно: с ножом в одной руке, с дочерью в другой я выскочил на двор и начал кричать. Тогда прибежали люди, надели на меня рубаху, дочь отняли и отдали хозяевам, а меня связали; затем фельдшер пустил мне кровь из руки, поставил горчичники, и в 12 часов ночи я заснул; *на другой день был совершенно в здравом уме*».

Обстоятельства «жертвоприношения» были подтверждены мне одним доктором-очевидцем.

ГЛАВА XI

Обращаемся к Магомету. Предание говорит, что когда ему было шесть лет, то ангел Гавриил захотел его очистить, после какой операции няня застала его «в судорогах и бледным как смерть». Шесть лет – это возраст наиболее частого проявления припадков эпилепсии с судорогами и смертельной бледностью. Весьма естественно, что припадки эпилепсии у пророка начались именно в это время. Засим в течение долгого времени не имеется сведений о припадках. У Магомета. Только в 40 лет они появляются вновь. Это совершенно возможно. Интереснее всего то, что такие перерывы часто наблюдаются именно в тех случаях, когда впоследствии развивается душевная эпилепсия. В этот большой промежуток времени Магомет занимается торговлей, женится, ведет высоко нравственную жизнь и особенно усиленно предается религиозной мечтательности. Религия арабов его не удовлетворяла. Он занялся изучением религий и учением о едином Боге. Много тут было всевозможных толков, вероучений, но они не вполне подходили под его требования. Одни из них были слишком высоки и не вполне доступны для его простой души, другие слишком запутаны, третьи не согласовались с хищ-

ною натурою бедуина. Словом, он сознавал, что растение не приходилось к почве. Нужно было достать такой росток, который бы удачно привился именно на арабской почве; а для того нужно было, чтобы учение шло от араба.

И вот Магомет сам начинает из различных вероучений создавать то наипростейшее, которое наиболее было бы доступно и могло понравиться и привиться к слишком неразвитой, детской и хищной душе бедуина.

Магомет чувствует всю тяготу великого дела. Он вполне сознает свое бессилие. Но он верит в Бога и всей душой молит Его, да ниспошлет Он и ему своего ангела с вестью веры и откровения, как он посылал его другим патриархам: и Адаму, и Ною, и Аврааму, и Моисею, и Христу. Усердно молится Магомет Господу. Строго соблюдает посты. Все время своих путешествий он в умственной беседе с Богом о вере и богочитании. Дома он, в свою очередь, в среде людей, душевно преданных неведомому Богу, – Богу, которого они ищут и не могут найти. Особенно он сильно изнуряет себя молитвою и постами в месяцы покаяния, когда он поселился на горе Хира.

И вот, путем истощения, утомления и умственного напряжения, Магомет доводит себя до возврата эпилепсии. Припадки возобновились, но только теперь

в худшей форме. К судорожным припадкам присоединились галлюцинации, религиозная экзальтация и восхищение. Эти припадки появлялись у Магомета двояко: то в виде судорог, то в виде головокружения. И те и другие припадки сопровождались зрительными и слуховыми галлюцинациями. В этих галлюцинациях воплотились давно переживаемые Магометом образы, происшествия и мысли. В них явился ангел Гавриил с целью диктовать Магомету те мысли и то учение, о котором он постоянно думал, с которым он неразлучно жил и которому он отдал жизнь. Но теперь это учение шло от Бога. Магомет искренно и глубоко верил в это. Верили в это и близкие Магомету люди. Разве Аврааму, Моисею, Иисусу и др. Господь не посылал ангела своего! И разве не с тем же учением посылал ангел. Ведь это не для Магомета, а для народа. Ведь народ израильский, те же потомки Авраама, получали заповеди от Бога, почему же арабам – потомкам Авраама от другого сына – не иметь такого же откровения... Магомет являлся только сосудом, в который изливалось это откровение Божие. Это была трость, кою писалось откровение свыше.

Магомет верил в это откровение и теперь весь отдался ему. Гонения, брань, насмешки, издевательства, угрозы, даже лишение жизни не могли бы теперь остановить Магомета в предпринятой им мис-

сии. Религиозная экзальтация находила на него и с припадками и без припадков. Особенно велика стала его миссия с того момента, когда с делом веры и религии пришлось соединить и политику, и знание характера народа, и государственную жизнь. К глубокой вере Магомета пришел на помощь его недюжинный, гениальный ум. Исходив всю Аравию, ознакомившись с народными характерами на всех их ступенях, познав натуру и бедуина и араба купца, гениальный ум Магомета создал простейшую религию, в которую он сумел ввести и политику – вполне по духу и по натуре хищного, воинственного, независимого, вольного, как птица, и фатально преданного Творцу бедуина. Своим гением Магомет умел понять то, чего не сумели и уразуметь купцы Каабы: вместо разделяющего племени идолопоклонства он дал веру в единого Бога, объединяющую все племена и создающую стройное целое, покорившее весь мир.

И в это время Магомет имел припадки и видения. Иные припадки были сложны и соединялись с галлюцинациями мускульного чувства, когда Магомет чувствовал отрешение от земли, полет на небо, путешествие в небесные области. В другой раз припадки были маленькие, начинались криком молодого верблюда и заканчивались потом.

Эти припадки не повлияли, однако, на умственные

способности Магомета. До последних дней жизни он оставался гением и таковым имя его останется навсегда. Эпилепсия и гений – явление в Магомете не единичное. Таковыми были Цезарь, Наполеон I, Петр I и др.

ГЛАВА XII

Ясным нам представляется и успех учения Магомета. По существу, у арабов были остатки и предания веры патриархов. Если арабы и отклонились от единого Бога, если они стали идолопоклонниками и язычниками, то только лишь по неведению. По преданиям, по условиям жизни, по своему характеру, по природным условиям бедуины были, скорее, поклонники единого Бога. Близкое соседство иудеев, христиан и различных сектантов, постоянное сношение с ними, нередкие беседы и проповеди, недовольство и неудовлетворенность своими идолами – все это подготовляло почву для успехов новой веры, но только такой веры, которая была бы по натуре бедуину: возможно простейшая и по мере возможности чувственная, деспотическая и удовлетворявшая животным и хищническим наклонностям дикаря бедуина. Магомет сумел это подметить, сообразить, приспособить и провести. Все дальнейшее совершилось само собою.

Магомет имел видения. Да ведь и другие пророки имели видения. Магомет имел откровения, и другие пророки имели то же. Магомет писал эти откровения под диктовку ангела или Господа, и другие делали то же. Да и могло ли быть с Магометом иначе? Скорее

всего – нет. Напротив, вся обстановка возникновения откровения и вероучения таковы, каковы должны были быть и по преданиям от древних дней, и по примеру у соседних братских народов.

Магомет искренне верил в божественность откровения своего учения и готов был запечатлеть истину его своею смертью. Это великий стимул для веры со стороны желающих верить. И Магомету верили. Бросали дома, род и отечество и переселялись в чужую землю, ибо туда шел их глава и посланник Божий. Учение Магомета пало на добрую почву, возросло могучее дерево и дало многочисленные плоды.

Великий успех учения Магомета состоял в том, что он сумел проникнуть в дух народа, соединить политику и религию, применить их к особенностям нации. Пока будет существовать нация и пока не изменятся ее черты под влиянием цивилизации и более мягкого человеколюбивого учения, до тех пор имя Аллаха и Магомета будет знаменем и кличем для многих миллионов людей.